

Шукур Холмирзаев

РАССКАЗЫ

ЖИЗНЬ ВЕЧНА

Главный агроном колхоза Надыр Рузикулов возвращался домой с колхозного собрания, где его сильно критиковали. Не успел он войти во двор, как его нелюбимая теща набросилась на него со словами:

— Вот уже и экспедитор строит новый дом, а вы, а вы... Все земельные участки у вас в руках...

— Вот какой есть, такой есть, — резко ответил Надыр. — А если не нравлюсь, можете забирать свою дочь и уходить отсюда.

Жена Надыра словно только этого и ждала. Она схватила на руки дочку и вместе с матерью ушла из дома, почти убежала...

Надыр вышел на улицу, на него тут же набросилась чья-то собака. Он схватил камень, бросил в собаку, и та завизжала на всю улицу. Из-за дувала высунулся сосед. Надыр хотел попросить прощения, он не думал, что камень попадет в собаку, бросил так, мимо, чтобы испугать ее, но сосед рассердился не на шутку:

— Если у вас там много сил и чешутся руки, то позвали бы меня. Зачем же срывать зло на бессловесной твари.

Надыр вконец расстроился. Он вошел в пустой дом, увидел маленький тюфячок дочери и сел на него. От тюфячка пахло дочерью, и он тут же вскочил и выбежал на улицу. Холодный ветер рванулся ему навстречу и остановил его. Минуту он постоял под холодным ветром, вернулся в дом и почувствовал усталость, слабость, тоску. Ему показалось, что он сейчас упадет и умрет. И на самом деле он упал.

Поднялся сильный ветер и швырнул в него несколько сморщенных виноградных листочков. К рассвету начался дождь. Это был первый осенний дождь. Вокруг запахло зеленью и

необычной свежестью деревьев. Потом дождь прекратился, и тучи рассеялись. Засияли крупные белые звезды. Наступила такая тишина, что было слышно, как с листьев скатываются капли, поднялся ветер, потом стало холодно. Но этих удивительных, стремительных перемен погоды Надыр уже не видит, не чувствует. Он мертв. И некому расправить ему руки и ноги, свернулся клубочком, некому закрыть ему глаза, подвязать подбородок. Бедняга. Скверно. И умер, как собака. Так и скажут. И завещания не оставил. Умер совсем молодым. И дочь в последнюю минуту не увидел, и жене не сказал последнее "прости".

А рабочие совхоза... Среди них много таких, кто уважал его, по-доброму к нему относился. А старушка, мать Ча-Ча, которой он недавно достал доски подремонтировать старенький домишко? Директор-то ей отказал. А он достал — домишко-то совсем заваливался. Уж как она его благодарила, желала долгой жизни. Конечно же, она заплачет, узнав о его смерти.

Рассвело. Начальник отделения совхоза проходил по улице и заглянул через дувал во двор Надыра. Никого. Неужели проспал Надыр? Нет его на обычном месте у айвана.

— Товарищ Рузикулов! — крикнул он.

Никто не ответил. "Что это с ним, провалились они, что ли?" Он вошел во двор и увидел на айване главного агронома, который лежал свернувшись клубочком. "Пьяный, что ли? Он ведь никогда не бывал пьяным", — подумал начальник отделения совхоза. Он позвал Надыра еще раз и, поняв, что произошло, выбежал с криком на улицу.

Собрался народ. Многие плакали. Конечно, умер главный агроном совхоза, как тут не плакать. Покойный делал много доброго людям... А уж как плакала жена Ханифа!

— На кого ты меня покинул? Что я скажу дочке, когда она спросит об отце? Зачем я ушла к матери, лучше мне было умереть. Откуда же я знала, что случится такое? Зачем я не осталась рядом с тобой?..

Вот так. После смерти вдруг выясняется, что покойный был хорошим человеком. Жене еще долго придется плакать. А теща? О боже, если ты так горячо любила зятя, почему же ты так дергала его и не давала покоя при жизни? Или она притворяется? Все плачут, и она плачет. А может, это искренне, может, она и на самом деле горюет? Да, в общем-то, не совсем уж не права была старуха. Хотела, чтобы жили хорошо, как люди. А ведь Надыр и на самом деле был невнимателен к семье. Холходжа, милиционер, любил повторять: "Ты — настоящий пролетарий". Наверно, в этом есть доля правды.

Все прошло, все уплыло... Ничего теперь уже не исправишь.

И директор совхоза плачет? Да, плачет. А почему бы ему и не плакать? Потерял такого прекрасного агронома — работающего, честного, добросовестного. Ведь Надыр был отличным работником. О чем думает сейчас директор? Наверно, эта внезапная смерть не просто удивила его... Может быть, он жалеет, что устроил Надыру такой разнос вчера на собрании? Думает: расстроился, не выдержал. Вот так и бывает. Критиковать тоже нужно умеючи. Крепкий, мол, молодой, выдержит — и давай его разделявать. А вот и не выдержал.

Итак, главного агронома завернули в саван, положили в табут и понесли. Понесли на кладбище Кызылкоя. Все осталось позади. И жена, и дочь, и дом. Обида, тоска, сплетни. Работа. Совхоз. Рабочие... И кишлак остался.

Есть в народе хороший обычай. Проходящие или проезжающие мимо хоть на минуту подбегают к носилкам с покойником и подставляют свое плечо. Пройдут несколько шагов и уступают следующему. Прочтут краткую молитву и уходят. Вот какой-то шофер остановил машину, выпрыгнул из кабины и побежал к носилкам.

Кладбище. Почему-то здесь земля красноватого цвета. Надыр не был верующим. Но когда случалось проходить мимо кладбища, ему становилось страшно. Иногда он проходил здесь ночью, и уханье сыча преследовало его до самой кишлачной дороги: "Как

здесь мертвые не боятся? Да ведь они же ничего не чувствуют? Мертвый есть мертвый. Будто камень..."

Покойника опустили в могилу. Родной отец первым бросил горсть земли. Какие странные люди. Почему они так спешат? Поскорее закопать главного агронома, избавиться от страшного зрелища. Горсть, еще горсть, еще...

Тишина. Мертвая тишина. И это торчащее старое тутовое дерево. Стоит себе, будто ничего и не случилось. Только птицы летают. Вот на влажную землю опустилась ворона.

Такова жизнь человеческая: родился, рос, учился, работал, ругался с людьми, мирился. Думал о том, как жить, мыкал горе, любил. И вот умер. Близкие несколько дней поплачут, поголосят, а потом? Будут вспоминать о нем... В совхоз придет новый человек — новый главный агроном. И отец и мать понемногу успокоятся. Молодую вдову станут сватать. На третий раз теща согласится выдать ее. А потом? Теща научит девочку называть нового мужа матери папой. Или?.. А Надыр ничего не почувствует, ничего не услышит. Он лежит в могиле. Как же это он умер? В тот день он вернулся с собрания, где его крепко критиковали, поругался с тещей, жена схватила дочку и ушла из дома вместе с матерью, на улице он кинул камень в собаку, и хозяин собаки обругал его. Потом он вышел на улицу, и в грудь ему ударил холодный ветер. Этот осенний ветер бы такой приятный, такой ласковый, что Надыру захотелось плакать.

Потом... Надыр не выдержал всего этого — этой несправедливости и в гневе убил себя — умер. Кому от этого стало лучше? Кто его за это похвалил? Что было потом, что? Это усеянное звездами небо, эти белые звезды — все на месте. Деревья, дождь... Ветер.

Жизнь Надыра продолжается и без Надыра...

...Расслабленный Надыр, сидящий на краешке айвана, вздрогнул, поднял голову, глубоко вздохнул и поднялся. Он закурил сигарету, постоял минуту и вышел на улицу. Сосед смягчился, простил ему собаку: "Ведь говорили же духовные

наставники — хоть Каабу сожги и крестись на икону, но не тронь божью тварь — даже муравья не обидь".

Надыр отправился к теще за женой и дочерью. По дороге он вспоминал, как и за что его критиковали на собрании вечером, прикидывал, как исправить ошибки, изменить кое-что в работе.

Когда он еще сидел на айване, ему на голову упало несколько капель дождя. Теперь дождь полил как из ведра. И вдруг пронзительно запахло терпким настоем деревьев и пожухлых листьев.

(Перевод Н. Владимировой)

ОБИДА

Кабировой едва исполнилось восемнадцать, а она уже была председателем артели. Тогда же, в сорок третьем, она и в партию вступила, полгода пробыла на курсах подготовки партийных кадров в Ташкенте. А потом — одна руководящая работа за другой: Людей в те трудные годы не хватало, и куда ее только ни «бросали»: и вторым сек-ретарем райкома, правда ненадолго, и директором детского дома, и руководителем лесхоза.

И кому было дело до того, что она и четырех-то классов толком не закончила — отец ни за что не хотел пускать в школу, тайком бегала, урывками постигала премудрости науки. Уж какая это грамота — одно горе: слова без ошибки не могла написать и очень стеснялась. Ну, а подпись свою научилась ставить бойко да размашисто на разных деловых бумагах. И кто ее смел упрекнуть — мужиков раз-два и обчелся, и не всякая женщина согласилась бы взвалить на себя такую работу, какую везла Кабирова-апа. Ее и молоденькую уже так величали — Кабирова-апа, а потом и подавно.

Верно говорят: жизнь как сон. Незаметно отсчитало время пятьдесят пять лет. Как-то после очередного совещания секретарь райкома Ибрагимов попросил ее задержаться.

— Бегут годы, апа, бегут... Вы уже не молоды, апа. Конечно, это еще не старость! Но думаю, вам уже работать трудно. А лесхоз — хозяйство непростое. Вот мы и хотим предложить вам, дорогая Кабирова-апа, работу полегче. Как на это смотрите?

— Совсем мне не трудно. Я там уже одиннадцать лет, все до мелочи знакомо. А что Гулямова?.. Ведь ее хотите вместо меня назначить? Я сразу угадала ваши планы, как она из Москвы вернулась. Что у нее за плечами-то — школа да... институт. А опыта — никакого! Ну... пусть привыкнет немножко, а там... видно будет...— Голос Кабировой сорвался.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, товарищ Кабирова,— в раздумье проговорил секретарь,— дело требует молодых рук... да и ног, если хотите: сколько ходить приходится... А опыт, что же — дело наживное. Вы когда начинали, вам сколько было? Восемнадцать? Ну вот, видите, а Гулямовой двадцать четыре, да и вуз закончила...— Ибрагимов пожа-лел о сказанном. Но потом, решив, что, хотя это и больно ей слышать, повторил:

— Да, да, вуз, это, знаете ли, в сегодняшних условиях очень важно... Теперь нельзя работать по старинке. А Гулямову посылали учиться специально, с прицелом...

— А, так вот еще когда было задумано, а я-то из сил выбиваюсь, стараюсь...

Ибрагимов встал из-за стола, обошел его и, подойдя к Кабировой-апа, как можно мягче заключил:

— Значит, решили! Подумайте, где бы вы хотели работать, чтобы не было обременительно,— детский сад, школа, словом, подумайте! У нас люди везде нужны, вы знаете. А как только решите, жду вас...— он помолчал, потом добавил: — или хотите, чтобы я сам этим занялся?

Кабирова отрицательно покачала головой, встала, молча протянула руку Ибрагимову. Он почувствовал слабое, безвольное пожатие.

...Прошел месяц, другой, третий пошел, а Кабирова не появлялась в райкоме. Она оформила пенсию, труда это особого не составило — непрерывный стаж — тридцать семь лет! Но обида грызла, точила, по ночам не давала сомкнуть глаз. Все валилось из рук, ведь к домашним делам за свою жизнь она так и не привыкла, ее покладистый добрый Шомурад-ака с самого начала взял на себя все домашние заботы, хотя сам работал продавцом в магазине уже много лет. Он редко возражал жене, но однажды, когда Кабирова-апа в очередной раз завела разговор о том, как незаслуженно ее обидели, отправляя на пенсию, не выдержал.

— Сидела бы себе дома и не хорохорилась! Ну, скажи, зачем

тебе работать? Много ли нам с тобой нужно? Детей в люди вывели, чего тебе мотаться?

— Да что вы понимаете? — кипятилась она.— У вас разве подход государственный?.. Это не мне одной вред — делу. И какая такая моя вина, чтоб просто так освободить от должности? Нет, все из-за той девчонки, Гулямовой, знаю я. Выскочка! Вовремя подоспела! Сколько лет я могла еще трудиться мирно да спокойно!

— Во-во, мирно да спокойно! Не того теперь надо в твоём хозяйстве. Оно с тобой вместе состарилось, понимаешь?.. Пора дорогу молодым уступить!.. Ну... не расстраивайся, мать... мое дело тебе посоветовать, чтоб ты себя зря не изводила. А там как знаешь,— сдался Шомурад-палван.

— Я напишу в обком! Вот, увидите, напишу! — не унималась Кабирова. Добрый голос мужа ее не успокаивал, наоборот, выводил из терпения.— Да, да, напишу! Вроде самого Ибрагимова заладили: «для пользы дела, для пользы дела!» Знаю эту пользу!.. А обо мне — вы подумали?..

Но в обком она так и не написала, хотя не раз садилась за стол, положив перед собой чистый лист бумаги. Ну, кто станет всерьез принимать ее каракули? Ошибки и почерк так и остались у нее на уровне начальной школы. Впрочем, она в этом даже себе самой не признавалась, и в ее неотвязных думах снова и снова брало верх одно: она — опытный руководитель, молодые должны у нее учиться...

А время шло. Кабирова ходила угрюмая и все ждала, что вот-вот явится нарочный из райкома, пригласит к Ибрагимову, и тот, поняв наконец свою ошибку, вернет ее на прежнее место, в лесхоз. И снова Шомурад-ака с болью в душе слушал ее жалобы. Слушал, жалел, потом уставал, начинал зевать, прикрывая рот рукой, чтоб не обидеть жену. Незаметно переходил к разговору о заботах по дому, просил помочь ему в хозяйстве. Она вяло соглашалась, но нет-нет да слезы ее душили. То и дело вспоминалось далекое военное прошлое, когда она

секретарствовала в своем районе, и в каких только почетных президиумах ни сидела, на каких трибунах ни выступала с пламенными речами. Уж что-что, а говорить она умела. Как уважали ее люди! А теперь с ней не считается даже собственный муж. Кабирова растеряла связи и с подругам, с которыми трудилась долгие годы, хотя они жили не так уж далеко. Кое-кто, конечно, уехал. Но ведь прежде, еще год-два назад, они встречались, ну хоть раз в два-три месяца, приглашали друг друга в гости: Кабирову-апа звали, конечно, на все семейные торжества. А теперь и глаза никто не кажет! Прежде она времени не выкраивала. Даже старшего сына в Ташкенте навестить,— после свадьбы всего раз и была у него. Теперь она дважды съездила к Камалю, несколько раз к младшей дочери, что училась в андижанском пединституте. Куда девать время-то? Раньше, оглянуться не успеешь — дня как не бывало. Теперь он тянется бесконечно, Кабирова-апа не знает, что такое «погулять»; да и совестно ей расхаживать без дела по улицам, где можно встретить людей, столько лет относившихся к ней с почтением.

— Ну, скажите, чем я хуже Маликовой? Ведь она-то работает еще,— заявляет она мужу.— Нет, как ни говори, здесь что-то не так!.. Кто-то действует мне во вред, не иначе. Кто-то, наверное, пожаловался на меня в райком, очернил. Конечно, вам смешно...

Себе Кабирова ни за что не хочет признаться в том, что и Маликова, и многие ее подруги-одногодки, имея семьи, детей, учились и работали, кончали вечерние десятилетки, заочные институты, специальные курсы повышения квалификации. Нет, нет, не в этом дело,— гнала от себя эти назойливые мысли Кабирова-апа. Она-то уж знала точно: не в этом.

Бежали дни; и в райком ее не вызывали, и письмо так и не было написано.

Но однажды скучное существование нарушила жена председателя потребкооперации Унсина-апа. Кабирова так радостно, так сердечно встретила ее, что не знала куда усадить.

— Да не хлопчите вы, Кабирова-апа, я на минуточку!

— Как, в кои-то веки вас сам аллах послал...

— Знаете, ападжан, очень много работы.

— Правда-правда,— проговорила Кабирова-апа; комок подступил к ее горлу, и она неожиданно заплакала.— Слышали, дорогая Унсина-апа, как они со мной поступили? Отстранили от дела! Пусть песок засыплет глаза моим недругам!

— Полноте, ападжан, не огорчайтесь! Райком, я думаю, поступит по справедливости. Вы коммунист с многолетним стажем. Сделали много полезного для государства, для района...

— Конечно, конечно,— подхватила ее слова Кабирова-апа.— Когда я, оседлав коня, ездила в ночь-полночь по делам района, теперешние руководители еще не могли себе и носа утереть. Вы сами это знаете. А теперь... А, да что говорить!..

— Знаю, ападжан, все знаю.

Кабирова-апа засуетилась, готовясь угостить Унсину-ана пловом. Позвала младшего сына:

— Беги скорее в магазин к отцу и попроси мяса и риса!

Унсина-апа удержала мальчика:

— Нет, нет, дорогая ападжан! Я уйду. Присядьте-ка, у меня есть к вам... дело.

Кабирова-апа присела на краешек курпачи и с надеждой устремила взгляд на подругу, которая была, помнится, года на три моложе ее.

— Недавно я ездила в Самарканд...— начала Унсина-апа.

— А я и не слышала, вот видите, какая стала, ни о чем не знаю, что творится вокруг,— Кабирова-апа горестно махнула рукой.

— Так вот, дорогая ападжан. Оказывается, один из наших земляков еще мальчишкой уехал в годы войны в город. Родители у него умерли, остался сиротой. А теперь он профессор, доктор наук. Нас с мужем пригласили на его пятидесятилетие. И вот я поздравила его от имени всех односельчан. У него очень славная жена, два сына, оба в аспирантуре. После банкета он задержал меня, и, видно, я разбередила ему душу, вспомнив наш кишлак. «Дорогая Унсина-апа,— сказал он мне.— Видите, все мои мечты

осуществились — у меня любимая работа, хорошие сыновья. Чего мне еще желать? Однако теперь, видно, старею, появилась у меня забота. Я-то уж не смогу сам переехать жить в Кукташ из-за своих научных дел. Женился мой старший сын. Теперь очередь младшего. Как бы мне хотелось, чтоб взял он в жены девушку из родных мест!.. Конечно, о смерти думать не хочется, но ведь так устроен мир, пусть же хоть один сын будет крепкими узами связан с отчим краем...»

На Кабирову-апа слова эти произвели впечатление, она молча склонила голову. А Унсина-апа как ни в чем не бывало продолжала:

— Вы хорошо это придумали, домулла, говорю я ему. И тут же вспомнила о вашей дочери, ападжан, и назвала ему вашу Насимухон. Есть, говорю, у нас хорошая, славная девушка из достойной семьи, мать у нее заслуженный человек, отец тоже. Ну, Каброва-апа, не зря я это сказала? А?

Слова Унсины-апа застали Кабирову-апа врасплох. Она никогда всерьез не думала о своей дочери как о невесте. И оттого ли, что ее собственная судьба сложилась, как она считала, неудачно и бесславно, она не раз повторяла: «Учись, доченька, заканчивай институт... А то и дальше: иди в аспирантуру». Конечно, ей не раз говорили о том, какая ее дочь милая и приветливая, особенно сосед и старинный знакомый Самат-олифта и его жена, которые, пусть в шутку, а нет-нет и заводили речь о помолвке: их сын, служивший в армии, был близким другом сына Кабировой, Камалья. И когда Камаль приезжал погостить из Ташкента, Кабирову-апа замечала: дочь и товарищ сына, как бы ненароком, переглядывались. Однако Кабирову-апа не придавала этому серьезного значения, а потому всегда говорила, пусть-де, мол, Насима пока учится... а там видно будет.

Вот почему теперь она растерялась от неожиданности и на миг призадумалась. Она будто воочию увидела профессора, будущего родственника, конечно, чуть сутулого, в очках, с седеющим ежиком волос, увидела и других его коллег, и даже

младшего сына, аспиранта. Представила и пышный банкет. Перед глазами Кабировой-апа возникла даже кумачовая трибуна... И на мгновение она представила себя участницей этого пышного торжества. Ее сломленный недавними испытаниями дух словно бы сладостно воспарил, сердце переполнилось радостью.

Но вот беда: ни разу она не думала всерьез о замужестве Насимы, и теперь испытывала какой-то суеверный страх. Она сказала тихонько:

— Дорогая Унсинахон, породниться с такими достойными людьми — истинное счастье, однако... мы пока не собираемся выдавать дочь замуж.

Ападжан, ведь и домупла хочет, чтобы девушка училась дальше и кончила институт. Ей же немного осталось?.. Он и сам говорит: хочется, мол, чтобы наша невестка была образованной, культурной. Сами понимаете, апа, только такой и должна быть невестка, пришедшая в семью ученых...

Унсина-апа лукаво взглянула на подругу и, словно не желая того, подлила масла в огонь:

— Если бы состоялась свадьба, я уверена, нам всем было бы хорошо... Возможно, после этого и нынешние районные руководители,— тоже ведь гостями будут! — лучше вас бы узнали!

— О-о-о,— воскликнула от избытка чувств Кабировой-апа, неуверенно покачивая головой и внутренне замирая от восторга: «...И то верно, стану сватьей самого профессора!.. Это уж непременно так, и пусть пожар опалит жилище моих недругов!»

Давно ушла задушевная подруга, а Кабирова все еще не в силах была сдвинуться с места. Ей виделся огромный весенний сад и в нем церемония свадебного торжества.

Она едва дотерпела до вечера. Муж задерживался, в магазине была очередная ревизия. Поэтому, когда Кабирова услышала наконец под окном его шаги, она в нетерпении бросилась навстречу. Но, к ее удивлению, после сбивчивого рассказа жены, Шомурад-палван рассмеялся:

— Так вот зачем твоя Унсина приходила. Я-то думаю: каким это ветром ее занесло?

И уже серьезно добавил:

— Дочь — чужая добыча, все равно когда-нибудь замуж выдавать придется. Но, по правде говоря, женушка... не очень мне по душе родниться с такими учеными людьми. И сын наш, Камаль, я знаю, то же скажет... А в общем — сама соображай!

В один из жарких майских дней их снова навестила Унсина-апа и принесла с собой, как и прошлый раз, большой бумажный сверток сладостей.

— Хочу предложить вам, апа, небольшую прогулку,— сказала она.— Сама соскучилась, и вы, я знаю, скучаете!..

— Это куда же, дорогая Унсина? — оживилась Кабирова.

— В Самарканд поедем,— заговорщически зашептала Унсина.— Одни знакомые давно уже зовут в гости. Воспользуемся случаем, а, отдохнем, мяса у них из тандыра отведаем, разгоним малость тоску? Договорились?

— Уж не знаю, как вас благодарить, дорогая Унсина, я, пожалуй, готова, — счастливо улыбнулась Кабирова-апа.— Такая подруга приглашает меня, разве я могу отказаться? — Про себя она подумала: «Не иначе, она поведет меня в дом профессора!» И снов#в мыслях ее возникли и пронеслись сладостные видения, замерло сердце, а где-то внизу закопошились страх и неверие в возможность удачи. Словно угадав ее мысли, Унсина предложила:

— Захотите — сможем заодно и домуллу навестить. Познакомитесь... А какие они с женой милые люди!.. Обещаю, ападжан: вы об этой поездке не пожалеете!

— Хорошо, хорошо,— поспешно согласилась Кабирова-апа.— Но не думайте, я своего решения не изменила и

твердого обещания профессору насчет своей дочери дать не смогу...

Унсина-апа заливисто и не очень естественно расхохоталась.

— Ах, дорогая моя, да не беспокойтесь вы! Уверена, до этого еще далеко!

Ушла Унсина, незаметно наступил вечер, пришел с работы Шомурад-ака. И Кабирова-апа тотчас поделилась с ним новостью.

— Ну, женушка, ты помаленьку из ума начинаешь выживать! — муж рассердился не на шутку. — Унсина твоя хочет ввести тебя в дом профессора и по всем статьям округить! Чего ради? Наверное, чтобы ему услужить? Иначе зачем бы ей понадобилась эта поездка? Ты столько времени тоскуешь без работы, а разве хоть раз за это время она заглянула к тебе, справилась о твоём здоровье? Скажи? Ну, подумай, не будь это нужно ей самой, пришла бы она к тебе? Как ты думаешь?

«Прав он,— горько вздохнула Кабирова-апа,— прав!» Унсина была из тех ее приятельниц, которые рядом, когда тебе хорошо, но когда беда, их как ветром сдувает. Ведь ни разу после ее ухода на пенсию Унсина не заглянула к ним, не посочувствовала ей.

Однако желание поехать в Самарканд взяло верх, и, забыв о резких словах обычно молчаливого мужа, Кабирова чуть свет стала собираться в дорогу. Едва проснувшись, она услышала под окнами шум мотора. У дома остановилась «Волга» мужа Унсины. Она сразу узнала ее, раздвинув оконную занавеску. Куда девались вчерашние сомнения, досада на Унсину за ее нечуткость. Лакированные туфли, темное атласное платье, дорожная сумка, приготовленная с вечера... Что еще?.. Кажется, все, что может пригодиться в такой поездке. И она мысленно подытожила спор с мужем, будто оправдывая собственное упрямство: «Ладно, Шомурад-ака, увидим еще, кто прав!»

На следующее утро, переночевав в Самарканде у подруги Унсины, женщины отправились в гости к профессору Акабирову. Дом его производил впечатление интеллигентной респектабельности — без кричащей роскоши, с достатком, который не бил в глаза, но в то же время создавал необходимую солидность. Когда за женщинами закрылась уличная калитка и они пошли по дорожке, ведущей к дому, Акабиров сразу заметил их, хотя и был занят хозяйственными делами: чинил водопровод. Он пошел навстречу гостям, молодо и широко улыбаясь. Улыбка

очень красила его загорелое лицо с живыми темными глазами. «Милости просим, землячки!» — гостеприимно пригласил он.

Эта неподдельная открытость с первых минут покорила сердце Кабировой. И когда вечером за столом гостеприимного профессора собрался кое-кто из ближайших соседей — дружбу с ними Акобиловы поддерживали уже много лет, с тех пор, как поселились на этой тихой самаркандской улочке близ университета, — Кабирова так была оживлена, так разругнилась, обретя былую живость и словоохотливость, словно уже и впрямь сидела на великолепном свадебном торжестве, где царствовали она и ее дочь Насима. Сердце ее учащенно билось, губы сами собой складывались в приветливую улыбку, и ей казалось: отныне вся ее жизнь пойдет бок о бок с такими вот милыми, остроумными людьми, какими оказались и ее будущие сват и сватья, и приглашенные по случаю знакомства с нею, Кабировой, гости.

Ни разу в течение вечера не пришла ей в голову мысль, что не ко двору она тут, что желание профессора женить своего сына на девушке из родных кукташских мест, может быть, просто каприз избалованного славой человека, желание прослыть оригинальным в кругу коллег. Ни разу за весь вечер не подумала она и о дочери, о том, что, приняв сегодняшнее приглашение, уже в какой-то степени легкомысленно решила судьбу Насимы, сделала первый шаг в неизвестность, еще совсем не представляя, кому в жены прочит она свою дочь, что за человек сын этого профессора. Как не заметила и мимолетных иронических улыбок хозяйки дома Шохисты-ханум, когда Кабирова брала хлеб вилок, а тонкие ломтики сыра — руками, когда чересчур громко смеялась грубоватым шуткам застолья, которые, пожалуй, приличнее было бы вообще не замечать.

В самый разгар ужина, будто невзначай, Унсина сообщила йидящему рядом с ней Акобилову, что, мол, ее подруга Кабирова как раз и есть мать той девушки, о которой она, Унсина, уже гозорила ему. Акобилов радостно закивал в ответ и,

повернувшись к Кабировой, сидящей по другую его руку, тут же решил взять быка за рога.

— Что же в таких случаях, дорогая ападжан, полагается делать дальше?..

Снова сердце Кабировой наполнилось гордостью: значит, она произвела должное впечатление здесь, в этом кругу, если профессор так форсирует события. И не задумываясь, ответила:

— Дорогой домулла, если вы, такой уважаемый человек, просите нашу дочь стать вашей невесткой, можем ли мы с мужем отказать?..

Таким образом, вопрос был почти решен, и обе женщины, договорившись, что на следующий день рано утром они поедут навестить Насиму в Андижан, любезно распрощались с гостеприимными хозяевами, которые, в свою очередь, обещали в ближайшее время приехать познакомиться с будущей невесткой и всей ее семьей — благо, у Насимы начинались каникулы и она собиралась провести их в родном Кукташе.

Насима и впрямь приехала домой на каникулы, а следом — за день до визита профессорской четы — прибыл и старший сын Кабировой, Камаль. В доме сразу стало тесно, шумно, многолюдно, радости родителей не было границ. Шомурад-ака, видя оживленное лицо жены,— в последние полгода он отвык от этого,— радовался перемене; но где-то в глубине души грыз червячок сомнения: слиш-ком веселой вернулась жена из Самарканда, может быть, она продолжает свою свадебную затею?.. И в самом деле, едва сели обедать, Кабирова заговорила о предстоящей помолвке как о деле решенном. Насима, не ведавшая, что ее судьба почти решена, побледнела и едва слышно произнесла:

— Как же так, мама...

Неожиданно повысил голос Камаль.

— Как это получилось, мама? Откуда пошли такие разговоры? Не принято сейчас так поступать, ведь Насима даже не знает этого человека! Разве она вам в тягость?.. А у тебя, сестренка, есть

кто-нибудь на примете? Ну, кого ты избрала в душе, кто тебе нравится, скажи нам об этом, не стесняйся. Может, любишь уже кого? Ты скажи, я ведь твой брат! Сейчас же поеду и откажу им!

— Не надо, акаджан! — умоляюще сложила ладони Насима.

— А как же насчет сына Самада-олифты? По-моему, ты к нему неравнодушна, а? Или я ошибаюсь?

Насима вспыхнула:

— Нет, нет, что ты! — Ее пальцы нервно вздрагивали, Камаль видел это.— Ведь мама так хочет...

Брат знал, какой послушной росла сестренка. Она никогда и ни в чем не перечила родителям, а мать просто боготворила, и Камаль сразу подумал: все его доводы впустую — как мать скажет, так Насима и поступит. «Господи,— подумал Камаль,— ну почему она такая робкая, нерешительная. Росла вроде свободно, никто ею всерьез и не занимался, мать и отец вечно на работе. Откуда эта угнетенность, подавленность? Вон какие у нее бойкие подружки, пальца в рот не кладут, одна другой шустрее. А эта — «как мама хочет»...» В сердцах Камаль даже топнул ногой — так уж у него получилось.

— А, да мне-то что, в конце концов! Что я уговариваю, ведь тебе с ним жить! Подумала ты об этом? Уже взрослый человек, институт заканчиваешь... Мое дело сторона, приехал и уеду. А ты, сестричка, еще не раз вспомнишь о нашем разговоре, помани мое слово...

Кабирова обстоятельно объяснила сыну, как все получилось, но упрямец не сдавался, и голос его, теперь уже слишком громкий, неприятно поразил ее слух.

— Да какое это имеет значение, профессор он или нет? Хоть академик! Это его личное дело... Вы понимаете, мама. Насима совсем не знает этого парня! И мне не по душе родниться с людьми, которых мы тоже не знаем!..

— Сынок, ты еще молод. Не знаешь жизни, как и твоя сестра...— попыталась было прервать его мать, но Камаль, словно не слыша, продолжал:

— ...И вообще, я считаю бестактным навязывать На-сима мужа против ее желания. Отец, вы-то как думаете?

Шомурад-палван молча кивнул в знак согласия.

После обеда Камаль, не успокоившись, поднялся на балахану к сестре. Они сели рядом, он обнял ее за плечи.

— Вроде вот-вот должны прибыть твои будущие родственники? Так мать говорила... Давай в двух словах, между нами, что ты сама-то об этом думаешь?

— Не знаю!..— голос Насимы был вял и безволен.

— Да пойми ты, решается твоя судьба, малышка. А ты — «не знаю!». Кто же должен знать-то, как не ты? — наседал Камаль.

— Не знаю!..— едва слышно повторила сестра.

Помолвка состоялась в тот же день. Насима все время молчала. Жених, долговязый парень, тоже не отличался разговорчивостью; как и его будущая жена, он послушно исполнял волю родителей. Свадьбу решили сыграть, как только Насима получит диплом. Камаль, окончательно поссорившись с матерью, на следующий день первым автобусом уехал в Ташкент.

Кабирова, конечно, затаила обиду на сына. Правда, она тешила себя мыслью, что сын вспыльчив, но и отходчив, как она сама, он еще образумится и станет ее союзником в осуществлении заветной мечты. Теперь она уже не сомневалась, что время это близко. В самом деле, не прошло и месяца после помолвки, как снова появилась Унсина.

— Ападжан! Меня просто одолевает супруга домуллы. Каждый день мне звонит! Говорит, что Насима ей очень понравилась. И спрашивает, нельзя ли все-таки поскорее сыграть свадьбу? Ведь у них в Самарканде пединститут ничуть не хуже андижанского, вот и будет там заканчивать учебу...

— Дорогая Унсина, я понимаю и нетерпение, и... но мы же договорились...

В конце концов Кабирова и тут уступила, ибо ее желание целиком совпадало с желанием родителей жениха. И в начале сентября в Ташкент Камалю уже летела телеграмма с

приглашением на свадьбу Насимы.

Так уж принято — на свадьбу денег не жалеют. Оправдание одно: пусть запомнится! И еще: чем мы хуже друзей, родственников. И летят тысячи и тысячи на свадебный стол, на приданое молодым,— деньги, заработанные десятилетиями нелегкой работы. Родители, как пчелы, добросовестно копили, откладывали по копейке, отказывая себе порою в самом необходимом. Пусть детям будет хорошо! Разве для детей что-нибудь жалко? Пусть детям хорошо будет, чем бы ни обернулось это расточительство...

И свадьба Насимы с Азатом прошла богато и пышно. Даже в два приема, сначала в Кукташе, потом в Самарканде. В кишлак, как и обещала Унсина, съехалось все районное начальство. Рядом с Кабировой сидел первый секретарь райкома товарищ Ибрагимов. Подумать только — он подливал ей вина, их бокалы постоянно соприкасались, и Кабировой не терпелось тут же, немедленно, начать разговор о своих делах. Но что-то все-таки ее удерживало. Только раз за время свадьбы случился небольшой конфуз. Пришел Самад-олифта, давний друг и сосед по улице, пришел сильно под хмельком и стал скандалить у ворот. Господи, ну кто мог подумать, что этот баран Самад станет выкрикивать такие бранные слова в адрес Кабировых! А его жена, оглушенная звуками свадебного бубна и громкими песнями, горько плакала в это время у себя дома, жалея своего единственного сына... Но Кабирова не знала этого. Соседей не пригласили на той, а сильно подвыпившего Самада не пустили даже на порог.

И в Самарканде свадьба прошла с не меньшей пышностью. Сидевшая во главе стола на почетном месте Кабирова по-настоящему блаженствовала. Только Шомурад-ака покидал пиршество несколько раздраженным. Причина этого раздражения выяснилась позже. Уже отъехав от дома новых родственников на почтительное расстояние, он нарушил обычное молчание.

— Хоть и живут они зажиточно, а жадные,— резюмировал

он.— Глянь на халат, что мне подарили: едва до колен! Я что, нищий какой, я все же отец невесты!.. И свекровь нашей Насимы мне не понравилась, чую, ядовитая она баба!..

Кабирова на сей раз благоразумно промолчала.

А на следующий день после Свадьбы дочери, встав рано утром и одевшись попроще, — в платье, что в последнее время неизменно носила на работу, Кабирова отправилась в райком.

— Вот и выросла ваша дочь, своей семьей обзавелась, еще раз поздравляю, в очень достойную семью она вошла! — такими словами встретил ее Ибрагимов.— А вы сами, похоже, снова изнываете без работы после свадебных хлопот? Ну, что решили после нашего разговора? Я думал, появитесь через, месяц-другой, а уже почти год прошел. Какую работу себе подобрали, чем могу помочь?

Кабирова сначала просто оторопела от этих слов, потом изменилась в лице, покраснела, ее будто хватил столбняк, она не в силах была ни шевельнуться, ни звука из себя выдать. После всего, что произошло, после того, как Ибрагимов сидел с нею рядом на свадьбе, стал, можно сказать, своим человеком в доме,— и такой прием!.. Да он должен был...

Она не успела подумать о том, что же должен был сделать секретарь, как безудержные рыдания вырвались сами собою. Захлебываясь слезами, Кабирова прошептала:

— Что я худого сделала людям? Что? И вам тоже?..

Больше она не в состоянии была терпеть это издевательство. Резко поднявшись, выбежала из кабинета и всю дорогу до дома, не вынимая из сумки платка, тыльной стороной руки вытирала градом катившиеся слезы. Войдя в дом, она почувствовала невыносимую головную боль.

— И зачем только... я не умерла, бедная...— причитала она.— Хоть бы Камальджан, мой сыночек, приехал меня навестить! — рыдала она уже в голос.— Позовите моего сына, дайте взглянуть на моего Камальджана...

Шомурад-ака долго не мог понять причины горьких слез

жены, а узнав в чем дело, пытался ее успокоить. Но жена твердила одно и то же: только приезд Камаля поможет ей избавиться от мук, вернет душевный покой. И Шомурад-палван написал в Ташкент письмо, которое заканчивалось такими словами: «...Если срочно не приедешь, боюсь, не увидишь больше мать».

Камаль после злополучной помолвки дал себе зарок никогда больше не появляться в родном кишлаке. Не приехал он и на свадьбу, хотя жена его и уговаривала; но теперь получив отцовское письмо, испугался не на шутку. Мать все-таки! Мать!.. Несколько раз перечитал он последние строки, написанные дрожащей рукой отца, и, против воли, чувствовал, что жалеет его, а не мать. Сколько он помнил себя, отец всегда находил для него ласковое слово, заботился о нем, стирал, гладил, кормил, хотя на работе проводил целые дни. Теперь Камаль тоже старался вникать в дела своего сына (тот пошел уже в школу), хотя жена Камаля, не в пример Кабировой, была рачительной хозяйкой и доброй матерью.

Но мать, конечно, было жалко. И Камаль, отпросившись с работы на три дня,— это стоило ему немалых трудов: в институте, где он преподавал, сессия была в самом разгаре, — поехал в Кукташ. Кабирова не вставала с постели уже несколько дней, но заслыша шаги сына, безошибочно угадала, что это он, протянула ему навстречу руки, обняла, расплакалась.

Под вечер Шомурад-ака с Камалем долго сидели на ступеньках веранды, и Камаль согласно кивал в ответ на слова отца.

— Сын мой, что было, то прошло. Ты ведь знаешь, сестра твоя ни в чем не виновата. Ты должен навестить ее. И свекровь, и свекор, и муж Насимы спрашивают у меня все время о тебе. Нехорошо как-то... Ты навести их. Как-никак единственная сестра... И живет у чужих людей...

«Да чем она виновата передо мной? — спрашивал себя п Камаль,— Тем, что вышла замуж не по любви? Так от этого сама

больше всех страдает. Виновата мать, что связала с этим браком бог знает какие свои надежды... Виновата Насима, что покорилась... А теперь всем плохо, и к чему искать виновного, когда все уже свершилось? И не поправишь...» Словом, Камаль пришел к выводу, что сестру навестить просто необходимо. Ведь и правда, его нарочитое отсутствие могло породить разные, не в пользу сестры, кривотолки. К чему усугублять ее и без того трудную долю...

Узнав о намерении старшего сына поехать в Самарканд, Кабилова, преодолевая головную боль, тотчас поднялась в постели.

— Я сама отвезу Камалю! — решительно отвела она все доводы мужа, уговаривавшего ее не делать этого ради ее же собственного здоровья. Как всегда, она настояла на своем, и уже на следующее утро Шомурад-палван провожал ее, поддерживая под руку до автобуса.

Впервые появившись в доме Акобировых, Камаль по-своему оценивал все и всех. За простецкой сердечностью и веселым нравом профессора ему виделись постоянная преднамеренность и заданность поведения. Жена же профессора казалась плохой актрисой, разыгрывающей с собственным мужем заранее продуманные мизансцены. И под постоянным испытующим, как показалось Камалю, взглядом этой пары жизнь невестки явно не ладилась. Насима сильно исхудала, глаза стали еще больше, под ними чернели тени, появились морщинки. А еще недавно ее лицо было таким юным и свежим!.. Не пришлось по душе Камалю и муж Насимы. Он просто выходил из себя всякий раз, когда этот худощавый верзила, любящий сын, вскакивал из-за стола, едва мать выходила и входила в комнату. И, хотя он не услышал от сестры ни единого слова жалобы, но видел, что она мучается этим бессильным своим молчанием, невозможностью выговориться. Камаль был уверен, что это так. Хотя, попробуй он сам заговорить, что бы он сказал?.. Акобиров был неизменно приветлив с невесткой, помог ей перевестись в Самаркандский

пединститут на биологический факультет, как и обещал. Что жена профессора глядела на невестку свысока?.. Но так она смотрела на всех окружающих, за исключением разве что мужа, к которому обращалась всегда с подчеркнутой учтивостью. Как разозлился Камаль, когда, выходя из дома, заметил: во дворе все еще стоит его подарок, привезенный утром,— плетеная корзина, в которой, он преподнес хозяйке отрез ханатласа. Ему вспомнилось, как он добывал этот атлас, как ежедневно наведывался в универмаг. Когда он, с трудом сдерживаясь, сказал об этом матери, она вся как-то сжалась, пытаясь оправдать сватью:

— Наверное, закрутились, забыли забрать... Не обижайся, все мы люди.

Он ничего не сказал, а ведь готов был опять разругаться с матерью. «Конечно,— думал он,— мы совершенно чужие в профессорской семье. Все мы, и Насима тоже. Нету в них душевного тепла, нету...»

И, уже сидя в автобусе, не мог удержаться от вопроса:

— Ну, матушка, вы рады наконец? Насима устроена, у нее знаменитый свекор, вот, скоро и квартира у молодых своя будет, мне сказал ее муж, кооператив им покупает профессор...

Лицо Кабировой скривила страдальческая улыбка.

— Конечно, рада, сынок. Твоя сестра попала в хорошую семью. Она... по-моему, вполне счастлива.

Камаль горько усмехнулся.

— Вам-то, мама, какая корысть от этого брака? Не понимаю я что-то!..

Отвернувшись от Камаля к окну, мать заплакала. Там, за стеклом, проносились такие знакомые с детства пейзажи. Одинокий карагач. Как она сейчас похожа на него!.. Овеваемый со всех сторон ветрами, стойко выдерживал он палящее солнце и непогоду, не требуя помощи, не моля о живительной влаге. А там, ближе к горизонту — угрюмые горы, на которых обнажились известковые породы... Как же постарела ее душа за это время...

Как устала! И когда перед ее мысленным взором пронеслись такие уже далекие мгновения ее жизни, как она, верхом на коне, легко взбиралась на эти горы по извилистым скользким тропкам, как с горячими речами выступала с трибун — сколько их было в ее жизни,— как гордым руководящим оком взглядывала порой на односельчан, она впервые подумала, что навсегда прошло то время, и любая попытка вернуть его только укоротит ее завтрашний день. Да, то, ее время, было иное. А нынешнее требует от человека знаний, чего у нее нет... И, по правде говоря, не было. Одного опыта теперь мало. Даже и молодости одной недостаточно, и сил, и желания делать дело. Эти знания-то и есть у молодой Гулямовой... Ну и пусть поработает, заключила мысленно Кабирова. Она хотела добавить: «Посмотрим еще...» — и оборвала себя. А неделю спустя Кабирова решительным шагом вошла в приемную Ибрагимова, записавшись на прием сразу по приезду из Самарканда. В одну из бригад лесхоза срочно требовался бригадир. Об этом она и собиралась поговорить с секретарем райкома. Но не хотела писать заявление. Хотела сказать ему все это лично.

1981

Перевод В. Турочной

ПАСТУХ

Колхозная контора стояла под орешинной. Вдоль здания тянулось картофельное поле, а за ним речка. Берега ее густо поросли кустами ежевики и джиды. На противоположном берегу, у самого подножья бугрящихся желтоватых холмов, теснилось несколько войлочных юрт, лачуг и загонов для скота.

Контора была построена недавно, но стены ее внизу уже успели отсыреть и набухнуть. Над входом был прибит кусок кумача с надписью «Агитпункт— 2». Он висел еще с весны и изрядно полинял под дождем и жарким солнцем. Слева от входа— кабинет начальника. Перед ним стул, на нем ведро воды и алюминиевая кружка, надетая на дужку ведра. В центре кабинета — большой стол. На столе — карта отделения совхоза.

Обычно в конторе бывает пусто. Руководители отделения весь день на полях, в свободное время—дома, вечерами — в центре совхоза, на берегу реки Шербад, что в тридцати километрах отсюда.

В этот вечер в конторе было многолюдно. Начальник отделения, кассир, агроном, зоотехник, бригадиры.

На повестке дня — проступок старика Остонакула.

Старик стоит почти у самой двери, сгорбленный, с опущенной головой. Ему тяжело стоять, и он переступает с ноги на ногу. Из уважения к начальству палку он оставил в сенях.

— Ну что, отец, берете на себя вину?

Старик исподлобья смотрит на сидящего в центре стола коренастого, широкоплечего начальника.

—Что тут скажешь, виноват.

Щупленький зоотехник Турабай с плоским лицом — проведешь ладонью от лба до подбородка, ни одной выпуклости либо впадины не обнаружишь — вскочил с места:

— Что же это такое, он хочет отделаться признанием своей вины? А я требую, чтобы он заплатил сколько положено за пестрого вола.

Начальник отделения сунул руку за воротник грязного коломенкового кителя, сморщил мясистое лицо и почесал шею.

Вот досада,— сказал он, передернув плечами.— Выдохлись вы, что ли, отец? — Он уставился на старика,— А мы вам доверяли. Вы же еще днем увидели, что он заболел, нужно было тут же и прирезать. И не было бы столько разговоров.

— Он ночью сдох, ночью! — сказал зоотехник.— Я сам разрезал печень, она была абсолютно холодной! Старик просто уснул!

Старый Остонакул молчал. Он смотрел надвигающиеся губы зоотехника и кивал, соглашаясь.

Начальник отделения кряхтя поднялся с места:

— Все. отец, разговор окончен. Заплатите за вола.— Он обвел взглядом присутствующих:— Будем считать, что вол сдох по недосмотру. Договорились?

Старый Остонакул медленно поднял голову:

— Хорошо, сынок, я заплачу.

— Только не тяните! Вы не бедный и еще крепкий, родственники у вас тоже есть. Да и старуха небось припасла.

Вот так... Собрание окончено.

Старик отошел в сторонку и сложил на груди руки. Он хотел выйти последним, но бригадир подошел к нему и похлопал по плечу:

— Пошли, отец, пошли,— сказал он. — Теперь хорошенько присматривайте за волами. Пусть нагуливают жир. А то как бы не лишиться вам места.

Старик снова кивнул и вышел из конторы.

Начальство направилось к двум грузовым машинам, что стояли за зданием конторы, оживленно беседуя,— быть может, и о нем, старом Остонакуле.

А старик неторопливо двинулся вдоль картофельного поля, к

берегу реки. Луна уже сияла на небе, и ее лучи разбивались о камни под водой. На другом берегу, у юрт, поднимался дымок, а под ним виднелся пылающий красный огонь.

Вчера к вечеру старый Остонакул перегонял волов с Октымшукских холмов в аул, что на Кукбулакских холмах. Травы на пастбищах давно выгорели, но кое-что еще осталось. Белые и красные цветы красовались, колыхаясь на длинных стеблях, на рыхлой земле росли репейники, колючки, и волы поедали и их.

Когда все стадо уже спустилось с холмов, пестрый вол отстал и вдруг остановился. Он тряс головой, будто ему было тяжело держать рога, один из которых был давно сломан. Потом он подался назад, рванулся вперед и свалился набок.

Старик, делая неловкие движения, заторопился и чуть ли не подбежал к волу.

— Чу, чу! — закричал он.

Но вол положил голову на землю с той покорностью, с какой бараны вытягивают шеи, завидев нож в руках мясника, и устремил взгляд замученных глаз на пастуха.

Старик огорченно глядел на вола. Потом поднял ему ноги и начал оглядывать копыта — может, какой гвоздь влез? Нет.

Старик подошел к морде вола и хотел открыть ему челюсть, но раздумал: «Если бы он проглотил железку, была бы пена». Старый Остонакул растерялся. Он поднял палку и ударил вола по крестцу. Вол поднял голову, но снова со стоном опустил ее на землю.

О, господи! Что же с тобой? Может, устал? Встань! Встань!—[^] Старик обошел вола и крепко взял его за хвост. С силой крутанул, и вол со стоном поднял грудь и встал на передние ноги. Все еще держа хвост в руках, старик закричал:—Ну, скотинка!

Вол поднялся, кожа его дрожала. Он осторожно пошевелил хвостом. До самого Кукбулака вол не сорвал ни травинки. Его товарищи с хрустом поедали мелкий хворост, а старый вол едва брел, невеселый, с поникшей головой. Он часто останавливался, будто прислушивался к чему-то.

Родниковая вода образовала большую лужу поодаль. Волы вошли в лужу и стали пить. Потом долго облизывали губы и носы, озираясь вокруг. Пестрый вол на минуту сунул нос в илистую воду и отошел от лужи. Он хотел снова лечь, но старик, заметив это, закричал на него и не дал ему лечь.

— Старуха,— сказал Останакул жене,— пестрый вол заболел.

Старая Ойсулув, закусив зубами кончик белого марлевого платка и прищурился и без того небольшие глаза, задумчиво уставилась на старика. Потом, пропустив его вперед, сама пошла к загону. Она открыла боковую дверку и вошла вовнутрь. Волы разбрелись по загону, терлись друг о друга, обнюхивали остатки еды вместе с пылью, шевеля ноздрями, а несколько волов уже улеглись у края загона.

Пестрый вол растянулся у самого входа. Он тяжело дышал. Старуха наклонилась к нему, упершись руками в колени, и стала внимательно разглядывать его. Потом быстро вышла, взяла совок, что стоял у котла и прошла в юрту. Она отсыпала горсть гармалы из кулька, заткнутого между бревнами, сунула под него тлеющие угли и подула. Затем выглянула из юрты. Старик расстилал молитвенный коврик для вечернего намаза.

Сглазили этого вола, что ли, а, старик? Кто его видел? — спросила старуха Ойсулув.— В последнее время он так хорошо вошел в тело.

Не глядя на жену, Останакул ответил:

— Наверно, ты и сглазила.

Старуха понесла совок с дымящейся гармалой в загон. Она дважды обвела совок вокруг головы пестрого вола, подула, чтобы дым попал ему в морду. Потом положила совок и села ждать, когда прогорит гармала.

Когда старуха расстелила скатерть для ужина, старый Останакул вдруг резко поднялся и выдернул нож из ножен, висевших на поясном платке. Он вынул из ступы длинный брусок и начал точить нож.

Старуха внесла шавлю на глиняном блюде.

— Поешь сперва! Никуда он не денется. Если часы его сочтены, что ж нам делать?

Старик вздохнул:

— Зоотехника, что ли, привести?

В район пойдете? Тридцать верст не шутка. До тех нор... и помереть может.

— И то верно.— Старик опустил на подстилку.— И в конторе отделения телефона нет. Все хотят поставить, да каждый раз забывают.

Старуха Ойсулув разломилла лепешку и начала наливать чай.

— А может, все-таки железку проглотил?

Не знаю. Но болезнь у него внутри.

— Ешьте.

Через некоторое время старый Остонакул снова сидел на корточках около вола и старуха стояла тут же, прислонившись к задней стенке загона.

— Старик, это тот самый вол, который в прошлом году целую неделю не сходил с круга, молот зерно?

Пастух поглядел на жену ввалившимися глазами и, облизав пересохшие губы, устремил взгляд туда, где бугрились Октумшукские холмы.

До прошлого года совхоз сеял там пшеницу. Земля была богарная, и на эти холмы не мог проехать комбайн. Землю обрабатывали на волах и колосья молотили с помощью воловьих копыт. На одном из совхозных собраний решили больше пшеницу на Октумшук не сеять — дорого. Сколько людей занимать, сколько волон. Одним деньги плати, других корми. Урожай не оправдывает затраченного труда.

И с тех пор волы остались без работы. Решили их откормить и сдать на мясо. А старому Остонакулу поручили это дело.

Старик особенно был привязан к пестрому волу. Почему? Это был самый старый вол, и трудился он долго, вместе с Остонакулом.

— Старуха,— сказал Остонакул,— может, кислым молоком его

напоить?

— Ну вот еще,— улыбнулась старая Ойсулув,— люди узнают, засмеют.

Старик вымученно улыбнулся.

— Будете резать? — спросила старуха.— Уже темнеет.

Пастух кивнул. Старая Ойсулув ушла в юрту.

Засучив рукава, старик вытащил большую эмалированную чашку и тщательно вымыл ее. Расстелил кожаную подстилку и вынес из шалаша острый топор. Затем взял два ведра и пошел за водой к Кукбулаку.

Вернулась старуха. Останакул сидел на корточках около пестрого вола.

— Эй, что с вами стряслось? — сказала старая Ойсулув.— Или расстроился? Что ж делать, старик! Если вол сдохнет, нам придется платить убытки. Придется мне самой зарезать его... только после чтоб стыдно вам не было.

— Э! — старый Останакул поднялся.— Что ты мелешь! Ты же видишь, что он не может с места сдвинуться. А здесь резать нельзя. Другие волы почуют кровь и доставят нам хлопот.

Старуха Ойсулув улыбнулась:

— Все причины ищите?

Старик выдернул нож, подошел к волу и взял его за морду. Руки у него задрожали. Он ухватился за воловий рог и повернул ему голову. И тут он увидел шею вола: из-за редких темных шерстинок виднелась стертая кожа — след ярма. Останакул жалобно посмотрел на старуху, отпустил рог вола и, отряхнув одежду, отошел и присел на старую кошму.

Старуха ушла.

Пестрый вол так больше и не поднялся. Старик принял его последнее дыхание. И до последней минуты надеялся, что вол не умрет.

...Пастух постоял у реки и медленно спустился вниз. Наступая на камни, виднеющиеся из-под воды, он перешел на другой берег. Не обращая внимания на привязавшихся к нему аульских собак,

он прошел между загонами, юртами, дворами и вышел к холму. Перевалив холм, старик нашел тропинку. Она казалась белой при лунном свете. Старик шел к своей юрте. Он расскажет старухе о решении начальства. «Ну вот, я же говорила »,— скажет старуха. Что он сможет ответить? Во всяком случае попытается как-то объяснить ей.

Перевод Н. Владимировой